

Новая Польша 9/2004

0: МЕДИТАЦИЯ

Не были мы ни достойны ни слишком самоуверенны
чтобы братья за темы превосходившие нас
Он должно быть об этом знал раз побуждал к простоте
и даже предупреждал с насмешкой не прыгать выше головы
и не заглядывать божеству за шиворот
Но предупреждал впустую
ибо гордыней были сами занятия искусством
Сколько сумел он сказать о себе дурного
не наболтал ни один из его малолетних гонителей
О вере говорил он смело
ощущал себя манихеем, но остался при правой вере
хоть его не оставляли сомнения
Правда — как сам он заметил — ум его был коварным
Дано ему было больше других и он это знал
Бывало за это его ненавидели
бывало смотрели попросту косо — порицая
Недоучки поучали его
Кое-кто пытался с убеждением или без
передвинуть его в конец списка
Как других так и его не миновала несправедность
Быть обожаемым или отвергнутым
этот путь он сам выбрал
Никогда посередине
Бывало он сравнивал себя с Иовом
но глядевшие со стороны
видели только что ему везет
словно подписал соглашение с чертом
ибо слава его объяла два континента

и он занял высокое место в поэтической башне

А он отлично знал

что самого главного не знает

и знать не может

Он хотел показать реальное и показал

Но над этой реальностью возносилось всегда

неотгадываемое пространство

как воздвигнутая над геенной долина счастья

Прежде чем настал назначенный срок

ему открылось чем будут старость и угасание

Город неохотно и медля

отдавал свои крепости и корабли

Болезнь Чеслава Милоша уже целые месяцы наполняла нас тревогой. Но его борьба со временем, союзником в которой служила ему великолепная память, заставляла нас приписывать Милошу некую нескончаемую длительность. Лишь последние вести о слабеющей жизненной силе поэта позволили нам осознать, что постепенно надо с ним прощаться.

Стихотворение «Медитация» было написано до 14 августа и представляет собой своего рода запись интенсивных мыслей о нем, все еще с надеждой на личную встречу. — Ю.Х.

1: ЧЕЛОВЕК-ЭПОХА

Лет семь назад Александр Фьют, один из самых пристальных исследователей творчества Чеслава Милоша, писал — на примере одной книги, но это можно распространить и на другие — о роли личной, индивидуальной биографии Милоша как материала его поэзии: «Ее [биографию поэта] можно воспринимать как поразительный и осязаемый урок случайности человеческой судьбы, урок, который дала в XX веке история одному из жителей Центральной Европы. Одновременно это с трудом постижимая сумма опыта, наблюдений, мыслей, воспоминаний, составляющая любую отдельную жизнь, которая в данном случае охватывает почти целую эпоху».

Сейчас, когда эта жизнь закончилась, я убрала бы «почти»: она действительно охватила целую эпоху, начавшись накануне «настоящего двадцатого века» и закончившись уже в XXI м, в первые годы новой эпохи (начало которой мы можем отсчитывать от 11 сентября 2001 го). А кроме того я сказала бы, что Милош — весь: и жизнь, и творчество — не столько «охватил», сколько вместил всю эту эпоху, вобрал ее в себя, стал своей эпохой, со всеми ее историческими, социальными, культурными зигзагами. Не скажу: со всеми заблуждениями — не со всеми, но на свои и чужие заблуждения XX века Милош смотрел равно пронизательно и зорко, равно безжалостно.

Рецензируя в 1990 г. в «Континенте» книгу прозы (если угодно, сборник эссе) Милоша «Год охотника», я отмечала, что автор говорит в ней вещи, которые могут «вызвать возмущение польских националистов, даже в том благородном случае, когда они называются просто патриотами», — например, напоминает, что Западные земли (или, как они назывались в ПНР, Обретенные земли) были получены в подарок от Сталина, подарок, предназначенный, разумеется, не кому иному (не свободно избранному парламенту, например), а коммунистическому режиму. «Национализмы моей части Европы весьма патологичны, — писал Милош в этой книге. — Я не могу доверять мысли, порожденной унижением и попытками побежденных найти утешение».

Но, жестко оценивая настоящее своей страны, Милош не идеализировал и ее прошлое. В конце 90 х он выпустил книгу «Экспедиция в Двадцатилетие» (имеется в виду межвоенное двадцатилетие, счастливые годы польской независимости после полутора веков жизни под гнетом трех держав-захватчиц). Польский критик Хелена

Заворская, рецензируя книгу, пишет: «...свежеобретенная свобода оказалась грузом, который трудно было нести людям, имевшим боевой опыт, но не умевшим управлять современным государством. (...) Грезившаяся целым поколениям “заря свободы” преображалась в зарева все новых войн и погромов. Мы предпочитаем об этом не помнить, но Милош в своей книге неуступчив, он напоминает самые щекотливые, жестокие, глупые дела. Он не говорит с нами осторожно и умильно. И никакого утешения не доставит нам тот факт, что сегодняшние затруднения со свободой напоминают былые поражения».

Да, Милош и с годами не стал «осторожнее и умильнее», говоря со своими соотечественниками, и если говорить о милошевском уроке, то такой разговор может принести пользу не только «жителям Центральной Европы».

Есть ли у нас русский Милош?

Милош сегодня в России известен — и неизвестен. Первой книгой Милоша по-русски был «Поэтический трактат» в моем переводе и с моими примечаниями, изданный в «Ардисе» (Анн-Арбор) в 1982 году. В 1993 г. в издательстве «Вахазар» вышел сборник «Так мало и другие стихотворения», включивший стихи начиная с 30 х годов. Милошу вместе с Томасом Венцловой было посвящено «досье» в «Старом литературном обозрении» (2001, №1), там же приведена его библиография, включающая переводы на русский. На первый взгляд, она выглядит внушительно, хотя сегодня к ней надо прибавить хотя бы переводы Британишского из вышедшей в 2002 г. его и Натальи Астафьевой антологии польской поэзии, его же перевод знаменитой книги «Порабощенный разум», изданный годом позже (точнее, впрочем, как мы уже не раз отмечали, было бы перевести «Порабощенный ум»), и еще ряд публикаций 2000 х. И все-таки в сравнении с объемом написанного Милошем — «так мало»! Увы, осмелюсь сказать, что Милош по-русски существует только в самом первом приближении.

Милош много писал в последние годы — и на девятом, и на десятом десятке лет. 14 августа подвело черту под его творчеством. Русским издателям и переводчикам пора обратиться к нему пошире и поглубже — и к книгам его стихов, от первых до последних, и к книгам его эссе (которые опять-таки собираются в книгу не случайно, а по-русски пока существуют лишь в распыленном виде), и к его замечательной повести о детстве среди дикой литовской природы «Долина Иссы», и к тому, что написано о Милоше его соотечественниками. Может быть, тогда мы воистину оценим совсем особый дар Чеслава Милоша, его совсем особую погоню за реальностью.

«...в конечном счете я бы сказал, что цель, которую я преследую, — это реальность. Погоня за реальностью», — ответил Милош на вопрос Бродского, чего он стремится «достичь в поэзии, в литературном творчестве». Немодный ответ. Сегодня — особенно немодный. Но очень нужный — то есть очень нужно то, что за ним стоит, та реальность, за которой гонится, которую нагоняет Чеслав Милош в своих стихах, прозе, эссе и многочисленных промежуточных формах, выходящих за пределы собственно прозы и собственно стихов.

Особый поэт

Рецензенты и критики очередных книг Чеслава Милоша как будто никак не могут привыкнуть к форме его стихов. Кого ни возьмешь — у каждого в тех или иных словах встретишь удивление: какая необычайная, ни на что не похожая книга! Да и верно: друг на друга они тоже непохожи, так что привыкнуть не удастся. И кто ни примется за исследование поэтики Милоша, обязательно отметит, что поэт выходит за пределы стиха и прозы — или, в других терминах, стирает границу между ними. На примере публикуемых в этом номере журнала переводов из книги «Хроники» вы лишь отчасти, но все-таки увидите эту его особенность, точнее говоря особость.

Все его творчество — особая, отдельная, не «общая» тетрадь. Но душа человеческая (в данном случае читательская) — тоже дело особое, и только на подлинно особое она откликается. Можно вспомнить портреты поэтов в «Поэтическом трактате»: сам Милош видит их — и несколькими строчками о каждом передает нам свое восприятие — как поэтов особых, отдельных, как крайне разноголосые инструменты оркестра польской поэзии. Так и Милоша мы видим, слышим, читаем как особый инструмент — огромного, впрочем, диапазона, органного что ли...

Мой Милош

Без воспоминаний о встречах, знакомстве, дружеских отношениях сегодня тоже, конечно, не обойтись. Впрочем, знакомство знакомством, а сначала мы встретились заочно. В 1973 г. я получила в Москве дошедший из Калифорнии том «Стихи» (Лондон, 1967). С 1953 г. все новые сборники стихов Милоша (как и его проза, и эссе, и переводы) выходили в «Институте литератком», книжном издательстве парижской «Культуры». Но, конечно, Милош предпочел не отправлять через границу, даже с оказией, одно из этих подрывных изданий. На книге

надпись: «Коллеге [по-польски слово женского рода — «коллежанке»] Горбаневской с дружбой. 20.II.73. Чеслав Милош».

Вживе мы с Милошем встретились в сентябре 1976 г., на организованной парижскими поляками и венграми конференции «1956 — 1976», в которой участвовали и французы, и выходцы из других, кроме Польши и Венгрии, стран Центральной и Восточной Европы, включая и автора этих строк (с докладом «Самиздат — школа свободы»). И встречались после этого многократно, чаще всего на вечерах Милоша, которые устраивал парижский религиозный «Центр диалога» во главе с незабвенным отцом Юзефом Садиком, тем самым, который побудил Милоша переводить Библию (об этом Милош пишет, в частности, в своей статье «Над переводом Книги Иова» — см. «Континент» №29, 1981).

Особенно интенсивным стало наше общение, когда я переводила «Поэтический трактат». Всё новые и новые получерновые редакции перевода я отправляла в Беркли и получала подробные замечания, после чего правила текст и снова отправляла. Перевод еще не был закончен, когда мы встретились, но не в Париже и не в Беркли, а в Гарварде. Осенью 1981 г. Милош проводил там семестр, во время которого прочел ставшие потом знаменитыми «Шесть лекций о поэзии» (кстати, в той же книге «Хроники» есть аналог им, но написанный стихами — особыми милошевскими стихами). А меня, оказавшуюся в США, пригласили прочитать лекцию — о чем бы вы думали? — ну конечно, о том же самиздате. И Милош пришел на мою лекцию! Нобелевский лауреат был моим слушателем, а я — прямо как его профессор. Вот раздувалась от гордости — и смущения. А после лекции я собралась показывать Милошу перевод, заново исправленный по советам Бродского. Тогда-то Милош и сказал мне: «После Иосифа могу больше не смотреть».

Я долго не решалась переводить Милоша: тот же «Поэтический трактат», на который я страшно завелась еще в Москве, казался мне непереводаемым. После Нобелевской премии Владимир Максимов потребовал от меня стихов Милоша — я перевела «Особую тетрадь: Звезду Полюнь» (да еще несколько стихотворений для «Вестника РХД») и уверовала в собственные силы. Тогда и взялась за «Трактат». Перевод все еще не был окончен, а Милош, как мне передавали со всех сторон, уже хвалил его американским студентам.

Последний раз мы виделись в октябре 1997 г. в Кракове, на международном фестивале поэтов «Восток — Запад». Сохранилась групповая фотография, где я стою рядом с Милошем, далеко не доставая ему до плеча. Где-то с другого края стоит Томас Венцлова. Очень хорошо было видеть вместе Чеслава Милоша и старого моего друга Томаса (Томаша, как по-польски звал его Милош): поляк и литовец, но оба «литвины», и чем-то, не только ростом, ужасно схожие. Зато никогда я не видела Милоша с Бродским (не совпало: в Париж из Америки они приезжали в разное время, а когда я виделась с Иосифом в Нью-Йорке, Милош был или в Беркли, или, как в тот раз, в Гарварде, или даже, такое однажды случилось, в Париже), Милоша с Гедройцем (главный редактор «Культуры» любил принимать гостей по отдельности).

Думаю, что об отношениях Чеслава Милоша с Ежи Гедройцем еще напишут люди, знающие дело лучше меня, тем более что уже изданы тома переписки, проливающей свет на их не всегда простые, но очень важные для обоих отношения. Хочу только напомнить, что когда Милош стал эмигрантом, то первым — и долгое время едва ли не единственным, — кто протянул ему руку помощи, был Ежи Гедройц. Лондонские круги польской эмиграции смотрели на вчерашнего дипломата ПНР, мягко говоря, с недоверием, а чаще — с прямой враждебностью. Милош стал печататься в «Культуре», выпускать книги в ее издательстве. В 1980 г. у Гедройца было два великих праздника: одним было создание «Солидарности», подготовленное поколением, которое называло себя возвращенным на парижской «Культуре», а затем последовала Нобелевская премия Милошу. В декабре Милош приехал из Стокгольма прямо в Париж. «Институт литерацкий» переиздал все его прежние книги, и на вечере Милоша (цитирую сама себя) «я видела, как читатели расхватывали эти свежавыпущенные томики в привычной серенькой обложке, только с красной полоской на уголке: “Нобелевская премия, 1980”».

* * *

Чтобы вернуться от «моего» Милоша к Милошу как таковому, закончу цитатой из Витольда Гомбровича. Как легко догадаться, Гомбрович, скончавшийся в 1969 г., сказал эти слова, когда присуждение Чеславу Милошу Нобелевской премии никому еще и во сне не снилось.

«Это писатель с ясно очерченной задачей, призванный ускорить наш темп, чтобы мы поспевали за эпохой, — притом с великолепным талантом, замечательно приспособленный к выполнению этих своих предназначений. Он обладает чем-то на вес золота, что я назвал бы “волей к реальности”, и в то же время — ощущением болезненных точек нашего кризиса. Он принадлежит к немногим, чьи слова имеют значение...»

2: ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

Не могу осознать случившееся.

Умер Чеслав Милош.

Мир осиротел. Это не пустая фраза.

Милош всегда был польским поэтом, но он был и остается поэтом не только для Польши. Милош — поэт для всего мира.

Впервые я прочитал стихи Чеслава Милоша в 1985 г. в московской Библиотеке иностранной литературы. Тогда я не мог даже помыслить, что спустя годы буду одарен необыкновенно теплыми дружескими отношениями и (страшно сказать) совместной работой с великим поэтом.

Непостижимая благосклонность судьбы: 20 июля 2000 г. мне довелось впервые переступить порог квартиры поэта на тихой улочке Богуславского в Кракове. Место это вскоре стало для меня центром мира и мироздания. В общении Милош оказался обаятельным, ироничным, всем интересующимся человеком и ни тогда, ни позднее не давал почувствовать дистанцию, все же разделявшую нас, великого поэта и физика, преподающего теоретическую механику в далеком Новосибирске, хотя и влюбленного издавна в польский язык и литературу.

Несколько месяцев спустя, получив свежее изданный в Кракове том стихотворений Милоша «Это», поразивший меня необыкновенной глубиной мысли, сосредоточенной на самых важных вопросах бытия, я стал переводить стихи для себя, сочтя это лучшим способом для внимательного чтения поэзии на иностранном языке и желая поделиться этим богатством с другими. Во время следующего визита в 2001 г. я прочитал свои переводы пану Чеславу. Они ему понравились, и с его легкой руки появилась первая публикация этих переводов в «Новой Польше». Но я и предположить не мог, что через год с небольшим удостоюсь высокой чести оказаться под одной с ним обложкой в многоязычном издании поэмы «Орфей и Эвридика», а еще год спустя в Москве выйдет в двуязычном издании одобренный поэтом полный перевод его сборника «Это».

Наше сотрудничество обычно выглядело так: сперва я отправлял свои переводы по электронной почте, Милош читал их, делал замечания, которые я старался учесть, затем во время очередного визита в Краков читал эти переводы поэту. Эти минуты, часы, проведенные в беседах с ним, были истинным счастьем, а высшей наградой бывал громкий радостный смех, которым Милош встречал особо понравившиеся ему переводы. В нем до конца оставалось что-то детское. Вспоминаю, с каким живым интересом Милош воспринял мой рассказ о том, как я переводил «Теологический трактат» во время командировки на дальний Север, в Якутск, где температура «за бортом» не поднималась выше - 45 градусов.

Как внимательно умел слушать пан Чеслав! Вспоминаю стихотворение «В городе», концовка которого звучит так:

Gdyby tak by&